

взаимопониманию между народами, взаимообогащению культур, решению многих вопросов, остро стоящих на сегодняшний день.

Источники и литература:

1. Крымскотатарская символика : опыт словаря / сост. Р. Т. Султанбеков. – Симферополь, 2002. – 16 с.
2. Куртиев Р. И. Тюркские символы в традиционной культуре крымских татар / Р. И. Куртиев // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2001. – С. 444-448.
3. Акчурина-Муфтиева Н. М. Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV – первой половины XX вв. / Н. М. Акчурина-Муфтиева. – Симферополь : ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. – 456 с.
4. Акчурина-Муфтиева Н. М. Терминологический словарь крымскотатарского декоративно-прикладного искусства / Н. М. Акчурина-Муфтиева. – Симферополь : Учпедгиз, 2007. – 140 с.
5. Чурлу М. Ю. Символ Рая / М. Ю. Чурлу // Пятые крымские искусствоведческие чтения : материалы республиканской науч.-теорет. конф. – Симферополь, 2000. – С. 31-32.

Валиева Н.А.

УДК 711.42:728.69.035 (Крм)

ЖИВЫХ КАМЕНЬЕВ ДРАГОЦЕННЫЙ ДАР ИЛИ СОТВОРЕНИЕ АРХИТЕКТУРОЙ ДУШИ. КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ КРЫМА. ТРАДИЦИОННОЕ ГОРНОЕ ЖИЛИЩЕ

Каждая из земных цивилизаций обладает собственным типом времени и своей исторической программой, а также запасом прочности таким же, как и экосистемы, со способностью, к восстановлению нарушаемых равновесий этнокультурного обезличивания и опустошения. Природа и культура, уставшие от перегрузок модернизации, выводят к реабилитации вытесненных форм мироощущения, уходят от крайнего духовного убожества человека эпохи технологического могущества. Разрушение традиционных ценностей и обычаев результат безответственной «морали успеха», лишаящей человечество способности жить в долговременной перспективе, вводящей при этом в неразрешимую антиномию: если есть развитие, то нет стабильности. Доктринеры всех новых учений сетуют на народный менталитет, как на помеху их миропотрясающих начинаний, так как здоровая народная основа является хранительницей реального опыта возведения традиционного жилища, особенностей его соотношения с рассматриваемыми культурными ландшафтами, строительными материалами, техникой возведения, а также формообразования.

Не познав того что было, не поймешь того, что есть.

Восточная мудрость.

“Архитектура в большей степени является частью человека, чем раковина улитки является ее частью. Человеческий дух придает форму инертной материи. Неустанная энергия человека извлекла эту материю из земли и возвела из нее здание под солнцем. Это было с самого начала сознательное творчество человека, высшее выражение его личности. Его здания, становившиеся архитектурой, выявляли его истинный дух, в то время как улитка, образуя свою раковину, не имеет никакого духа”, – определяет Ф.Л. Райт природу творчества, исповедующего постулаты развития органичной архитектуры, в очерке 1937 г. “Некоторые вопросы прошлого и настоящего архитектуры” [12, с. 49].

Народные застройки старинных горных селений Крыма, Кавказа, Балкан, Малой Азии на протяжении своего существования как живого организма, развиваясь и меняясь в размерах по мере роста, являются ярким свидетельством приведенного положения. Удивительно гармоничное освоение склонов гор террасами, где каждый ярус самодостаточен, но вместе с тем образует, как по вертикали, так и по горизонтали соседское сообщество в единое целое. Строгие требования к необходимому уровню благоустройства не позволяли никакого неуважения к соседям, исполняя роль регулятора чистоты, так как двор верхней жилой террасы являлся крышей нижней. В то же время одинаковая доступность солнцу позволяла инсолировать все помещения почти в равной степени. Композиция всего поселка, богатого пластикой, как бы произрастающей из неистощимых природных форм, поддерживала единство окружающего ландшафта неким утверждающим аккордом. Именно по этому поводу Ф. Райт констатирует: «Поток не может подняться выше своего источника. Что бы ни строил человек, его произведения не могут отражать и выражать больше того, что он собой представляет. В них больше того, что он чувствует. В этой каменной летописи он записывает не больше и не меньше того, что он знает о жизни в то время, когда строятся здания. В них живут его сокровенные мысли. Здесь его философия...» [12, с.52]. Именно жилище, как результат первого осмысления и проявления в создающем действии человека разумного, аккумулирует первокультурное его бытие, соподчиненное родному окружению, пространству, ландшафту и его ритмам. Б. Куфтин в своем труде “Жилище крымских татар...” говорит об устойчивом взаимодействии разных этнических групп и выработке традиций форм бытия в местных ландшафтах. Природа же, преломляясь через основное художественное содержание, являлась камертоном, проверяющим чистоту строя. Жилище как важнейший элемент в наиболее сложном взаимообогащении культуры служит замковым камнем при создании свода правил и положений жизни разных этнических традиций. Оно находится в зависимости от природного окружения, что можно проследить при применении того или иного

элемента, получающего распространение только в определенном историко-культурном контексте и не имеющего противоречий с природной основой. О последнем высказанном положении размышляет и Г. Гачев в своей программной работе «Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос» следующим образом: «Культура этноса проявляется разнообразно через нижние этажи быта (дом, одежду, пищу) и через верхние этажи их осмысления... В качестве гипотезы возникло предположение, что у каждого народа, культурной целостности, есть свой склад мышления, который и предопределяет картину мира, что здесь строится, и, сообразуясь с которой и развивается история, и ведет себя человек, и слагает мысли в ряд, который для него доказателен, а для другого народа – нет» [4, с.21-22].

Структура материальной культуры горных районов Крыма, Кавказа, Балкан, Малой Азии имеет очень древнюю историю. Земледельческие террасы ступенями покрывают южные склоны шириной 2-3 метра, пахут на них деревянной сохой, жнут серпами. К зиме отары перегоняют на равнинные пастбища, на лето – в высокогорья, на альпийские луга. Эффектом неожиданности на повороте вдруг предстанет величественная панорама: горные гряды кулисами стоят друг за другом, на переднем плане желтоватые, с зелеными пятнами растительности, за ними – темные синеватые, а дальше – серо-сизые, фиолетовые, как бы невесомые в далеком мареве. «Ни в одной стране Европы не встретить такого количества пейзажей, разнообразных по духу и по стилю и так тесно сосредоточенных на малом пространстве земли, как в Крыму. Даже в Греции не найдешь такой сжатости. Это вытекает из расовой и культурной насыщенности Крыма» [3, с.218] – отмечает М.Волошин в своей статье 1925 года «Культура, искусство, памятники Крыма». Именно из слаженной турбулентной разработанности водной стихией поверхности стихии земли, а также из активнейшей помощи при этом, стихий воздуха и огня (земли) в течение мощной временной толщи, выводит Гачев истоки ответственности и прикипелости всем сердцем, а также всеми стихиями души, широчайшему простору дыхания, ритмического рисунка узора, богатейшего несравненного колорита той волшебной страны, ее полнейшего и захватывающего соответствия твоему внутреннему исконному «Я», каждому из жителей множества и множества поколений, родившихся под этим небом и солнцем, звездами и луной: со своей системой координат Бытия.

По классификации У. Боданинского, традиционные жилища Крыма подразделяются на несколько типов: 1. **“Чит” – дома-плетенки**, каркас которых состоит из деревянных столбов с подкосами “пайванд”, в них вплетается стена в виде корзинки из молодых веток лесного ореха “фындык” или “читлух”. Внутри и снаружи такие стены обмазываются смесью глины с соломой – “саман”. Верх состоит из основной хребтовой балки “аркалык”, которая опирается концами на фронтоны дома (ее часто делали из тополя). Поверх “аркалык” поперек положены “кериште” или “сайгак” – ряд балок на два ската на некотором расстоянии друг от друга. Концы их выступают снаружи под фасадом и дают типичный для татарских домиков выступ крыши “сачак” и затем перекрывается татарской черепицей “керамет”. 2. **“Чатма” – бревенчатые избы**. Стены состоят из широких и толстых дубовых досок, которые кладутся ребрами друг на друга и по углам связываются системой “макас” – щипцов; кроме того, доски укрепляются деревянными накладными дугами “пайванд”, образующими на типовых фасадах стрельчатые арки с помощью деревянных щипов “чуй”. Отсюда такие дома называются “чуйлы-чатма эв” или “уй”. 3. **“Сантрач” – каркас из дерева** на вертикальных стойках “дерек”, которые скреплены наискось подкосами “пайванд”. Промежутки между стойками и подкосами закладываются кирпичом-сырцом “колп” и с обеих сторон обмазываются глиной с примесью соломы, а сверху белятся светлой глиной. 4. **“Таш эв” – каменный дом**, сложенный на известковом растворе или глине, опоясывается в различных горизонтах дубовыми лежнями, связанными между собой системой “макас” – ножниц. [1, с. 15–17].

Когда семантический уровень изучения культурных объектов (таких как традиционная архитектура горного жилого дома «Зеленого острова» Крым) формируется методологией отбора и систематизацией этноматериала, когда динамика смыслопорождающих процессов выступает в качестве одного из основных аспектов эволюционного развития человечества, анализа процессов означения и понимания в различных аспектах культурной организации традиционных обществ (мифологии, верованиях, фольклоре, орнаменте, организации жилой застройки, декоре, костюме, прическах и т. д.), особое внимание при этом сосредотачивается исследователем на уникальности и иррациональном характере проявлений жизни, доступных не рациональному познанию, а субъективному пониманию, сопереживанию, вчувствованию. Речь идет не о музеефикации всех проявлений художественных исканий, а о проникновении в суть закодированных законов этнической эстетики сформулированных мастерами, родившимися и созидающими на протяжении тысячелетий на этой земле. «... каждый народ видит мир особым образом. Зависит это от того участка мирового бытия, который достался доверен на жизнь каждому народу: от особого сочетания первостихий – земли, воды, воздуха, огня – которое отлилось и в составе человека (этническом и духовном), и в быту, и в слове. История народы меняет, сближает, перемешивает, однако работает она на добротном, сложившемся тысячелетиями национальном субстрате, и все изменения суть именно его изменения. Оттого и история народов своеобразна. И особы в ней извивы и сочетание общей миру цивилизации и исконно выросшей у народа каждого культуры» [4, с.180].

Тонко прочувствовал исторические перипетии крымского культурного генезиса, глубочайших истоков его полиморфизма, множественности граней и форм его культуры, многообразия проявлений художественно-ньюасных черт, присущих полиэтническому обществу, со значительной дифференциацией ценностей, не сводимых к каким-либо однозначным характеристикам поэт и художник Волошин: «...двойственность истории Крыма: глухая, провинциальная, безымянная, огромная, как все, что идет от Азии, – его роль степного полуострова, и яркая, постоянно попадающая в самый фокус исторических лучей – роль самого крайнего сторожевого поста, выдвинутого старой средиземноморской

**ЖИВЫХ КАМЕНЬЕВ ДРАГОЦЕННЫЙ ДАР ИЛИ СОТВОРЕНИЕ АРХИТЕКТУРОЙ ДУШИ.
КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ КРЫМА. ТРАДИЦИОННОЕ ГОРНОЕ ЖИЛИЩЕ**

Европой на восток» [4, с. 212]. У Ю.Лотмана в статье «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» говорится, что «...наличие истории является неперенным условием работающей семиотической системы» [10, с.212]. И отношение народа к природе родных стихий сакральное, наделенное своими характеристиками, выстроенное иерархически, выверено, прочувствованно, наделено своей По-истине родной душой. Из такого отношения вырастает то, что Гачев называет Природой. «Природа – первична, она – главное, что «питает и расширенно воспроизводит национальную целостность», в ней «совершается история данного народа. Она – Природина ему...» [4, с.16-17]. «Культура есть прилаженность – человека, народа, всего натворенного ими, выплетенного из себя за срок жизни и историю – к тому варианту природы, который ей дан (к которому он придан, человек и народ, как соответствующая ему порода существ)» [5, с.17-18].

А. Гольдштейн немало времени посвятил распутыванию солярных знаков органичности пластичных искусств Северного Кавказа с очень непростой семантической составляющей полифонической структуры «хорошо темперированного клавира». «Странно видеть поселение, дома которого расположены по вертикали, возвышаясь ярусами друг над другом, в виде как бы многоэтажного сооружения, усеянного словно соты, темными впадинами лоджий... Селение вписано в пейзаж как часть этих гор – из этого же камня и с таким же лаконично-суровым обликом... В старой архитектуре запечатлена культура, складывающаяся столетиями и тысячелетиями» [5, с. 61-63] Такое творческое проявление человеческого созидющего духа можно проследить уже с 9-7 тыс. до н.э. Дж. Мелларт в своей работе «Древнейшие цивилизации Ближнего Востока» описывает Чатал Хююк, как самое большое неолитическое поселение (13 га) Анатолии и всего в Ближнего Востока с 6500 по 5650 г. до н. при постепенном и непрерывном развитии. « Дома прямоугольной формы, со световым окном над хранилищем, к которому выстраивались все помещения, так как входили в дом тоже через этот верхний проем по деревянной лестнице с южной стены. Сообщение между домами могло осуществляться по крышам, находившимся на разной высоте: террасами дома поднимались по склону холма» [9, с.83-84].

Тайна воздействия пластического искусства органичной крымской архитектуры состояло в особой способности народного архитектора-художника прочувствовать архетипические формы и точно реализовать их в своих родных образах – ландшафтах. «Крым - не музей. Сюда от избытка переливались отдельные струи человеческих потоков, замирали в тихой и безвыходной заводи, осаждали свой ил на мелкое дно, ложились друг на друга слоями, а потом органически смешивались. Киммерийцы, тавры, скифы, сарматы, печенеги, хазары, половцы, татары, славяне... – вот аллювий Дикого Поля» [3, с.212]. «Его будущее гораздо теснее связано с его прошлым, чем может показаться, и эта географическая справка и объясняет нам характер крымской истории и стиль его культуры. В Крыму есть складки земли и моря, в которых человеческие поселения существовали непрерывно с доисторических времен» [3, с.213].

Крымские горы, в свою очередь, тоже проявляют скульптурные, неординарные характеристики ландшафтов – всегда привлекательные с точки зрения их эстетической сути: рельеф своеобразен и разнообразен, а климат целителен и упоителен. Они представляют собой эллипсоидное сводовое поднятие 150 км длиной и 50 км шириной, достигая до 1500 м высоты в цистре, постепенно понижаясь к северу, западу и востоку, резко обрываясь к югу. Весь свод Крымских гор расчленен системой продольных и поперечных сбросов и сдвигов, разбивающих его на хребты и массивы разнообразных очертаний, подразделяющихся на 6 растительных ландшафтов, что прослеживается и в типичных чертах жилища и всего строя пластичности застройки. В таких, предложенных природой обстоятельствах, и зарождалось, развивалось художественное освоение народным искусством подчинения природе ансамблевого прочтения градостроительных приемов. Именно в гармонии, в органичном соподчинении иерархического строя культурного ландшафта и этноса его созидющего видит ученый-культуролог Гачев проявления непрерывного развития, изучающий же его феномены субъект подпадает в своеобразную интеллектуальную зависимость: «Это художественная философия культуры, веселая наука. Или интеллектуальный детектив – так можно обозначить этот жанр художественного исследования» [4, с.30-31]. Интуитивное соподчинение народной архитектуры-скульптуры структурным линиям, текстуре, глубине и цветовой гамме пейзажа, переднему и дальнему планам, наличию природной доминанты, (горизонтальной или вертикальной), что выявляло «сохранение и развитие пластических свойств участка пластической целостности и своеобразия его рельефа и зеленых форм» [7, с.95] – отмечает Ю. Курбатов в своей работе «Архитектурные формы и природный ландшафт: композиционные связи», где изучает допустимые и достаточные ограничения при органичной пластике архитектурного формообразования. «Ценности природы определяются не только красотой и разнообразием их размерных отношений. Архитектурная форма, внесенная в природный ансамбль, должна поддержать в нем сложившуюся шкалу масштабных связей» [7, с.69].

Предметом возделения при хозяйствовании в Крыму было воссоздание на этой любовно возделанной земле «небесного райского сада»: когда в чаир-садах прививались к «диким» растениям побеги культурных, затем их выхаживали с тем же усердием, как своих детей; когда увлеченно культивировались новые свойства и возможности садоводства и виноградарства. «Основа всякого южного хозяйства - вода. Татары и турки были великими мастерами орошения. Они умели уловить самую мелкую струйку почвенной воды, направить ее по глиняным трубам в обширные водоемы, умели использовать разницу температур, дающую выпоты и росы, умели, как кровеносной системой оросить сады и виноградники по склонам гор. ...Это значит, что вся эта пустыня еще сто лет назад была цветущим садом [3, с.216]. Отмечает необыкновенное

умение в водопользовании Н. Рухлов в своей работе 1915 года: «Несомненно, что в цветущую эпоху развития крымского садоводства, во времена ханства, когда и площадь была значительно больше и население многочисленнее, к этому делу прилагалось больше труда, средств и знаний, когда было устроено множество водопроводов, фонтанов, расчищались родники и проводились канавы со своими именами **Дермень-арык, Крави-арык, Азис, Мезарлык, Хадынлык, Ярбинан**. Но самым живым и доказательным памятником высоты развития оросительного дела в старину служит само татарское население края, его опытность и любовь к этому делу, искусство его в обхождении с водою. Это искусство быстро и легко не приобретается, а потому и составляет важное наследие, доставшееся современному Крыму» [14, с.19;28-29].

Б. Куфтин в ходе экспедиции 1924 года выделяет очень интересный аспект характеристики горного жилища, в своих архаичных чертах выявляющий связи с Кавказом и Малой Азией – его ансамблевое развитие, как в системе природных отношений доминант, так и в структуре самого сотворенного людьми организма «касаба» (поселения). Куфтин так зримо описывает картину восточнорбережного жилого ансамбля: «отступают от моря в глубине долин поселения “касаба”, подрезают значительно члененный в этой части горный хребет, так как поселения избегают открытых поверхностей и развиваются у крутых горных склонов. Улиц, собственно, нет совсем, вместо них кривые каменные лестницы в узких промежутках между двухэтажными домами, кои в виде четырехугольных правильной формы ящиков громоздятся один над другим, образуя по склону ущелья сплошную многоярусную постройку» [10, с.42]. Б. Куфтину предшествовало наблюдение М. Дубровского: «Айсерез, Кутлак, Ворон окружены со всех сторон плотным кольцом гор, удалены от культурных центров. Горы разделяют их и затрудняют общение», и потому постепенно вырабатывается свой определенный местный менталитет. Деревни расположены «террасообразно по обоим склонам ущелья, так, что плотная земляная крыша каждого дома служит двором соседнего верхнего» [6, с. 14–15]. При этом четко выраженные архитектурные соотношения обеспечивают не только оптимальное функционирование, но и максимальное информационное раскрытие творческого замысла, как признак взаимоотношения пропорций, отражающихся на масштабе и представляющих собой следующий этап количественно-качественного развития композиционных средств, приближает к идеалу органичной простоты. Московский десант архитекторов 1933 г. не избежал участи своих предшественников XVIII века, подпадающих помимо своей воли под очарование ландшафтов Крыма. Прислушайтесь к поэтическому рассказу, в котором архитектор М. Пастернак описывает татарскую горную деревню Крыма начала 30-х г.: «Мшатка расположена на ста шестидесяти метрах над уровнем моря между верхним шоссе и дорогой на Абильбах на сильно поднимающемся рельефе, подпирающем отвесные стены Яйлинского хребта. Это дает структуре деревни характер приспособления к рельефу, т.е. террасовидное расположение, насчитывающее 16 дворов при 80 человек населения. Одна из дорог, проходящая через деревню, использует небольшую горизонтальную террасу для своего рода агоры в простом уширении дороги, там, где сама природа это разрешает сделать. Но и это существование создает ансамбль, хотя бы миниатюрными средствами. На площадке выходят три небольших здания простейшей архитектуры, но поставленных с учетом пространственного восприятия» [11, с.14-17].

Исследовательница традиционного крымского татарского жилого дома Т. Раппопорт отмечает в работе, посвященной изучению художественного своеобразия композиции: «Во всех намеченных нами типах композиции можно обнаружить характерную восточную многочлененность, которая является одним из приемов решения живописной композиции. Заключается она в том, что самая композиция образуется из большого числа элементов, качественно равноценных друг другу. И увязаны эти элементы не подчинением второстепенного главному, а равновесием их между собой» [13]. Райт, работая в Японии над отелем «Империал» в Токио, глубоко уверовал в органичное зодчество: «...в понимании архитектуры (на западе В.Н.) здание было сплошной массой материи, скульптурно оформленной извне, но на Востоке здание было более пластичным, и поэтому в большей степени одухотворенным. Будучи пластичным, здание более последовательно, выполнялось как единый предмет или сплошное целое. Оно в меньшей степени было набором разных частей элементов, оставшихся раздельными и самодовлеющими. В органичном здании ничто не является законченным как часть целого» [12, с.54]. Целостность и уникальность каждой художественной этнической культуры – это знаковая система, которая является открытой коммуникацией и состоит из гетерогенных начал, что и образует источник ее динамики, а внутреннее разнообразие является залогом повышенной жизнестойкости и адапционной способности приспособливаться к изменениям среды. Архитектура является необходимой интерпретацией человеческой жизни. Нередко объективно определить доминантную функцию утилитарного или семантического начал в той или иной культурной форме практически невозможно. Тогда семантика культурной формы или архитектурного объекта с учетом этой непрременной нормы членение объектов культуры на материальные и духовные утрачивает смысл. Как выявить материальное (утилитарное) и духовное (семантическое) в архитектуре? Последующее существование такого семантического образа в данной культуре может длиться бесконечно долго и воплощаться в сколь угодно большом числе исторических свидетельств. Художник с высоты своей меры ответственности постоянно ощущает необходимость морального обновления, активизации творческих возможностей. Вследствие постоянной ритмической пульсации усложнений жизненных задач и целей объективно существует соблазн украшения или снятия глубинного пласта при восприятии и воспроизведении. Энергетическое напряжение, сопровождающее творческие поиски, постоянно провоцирует сопротивление, и возможно потому культурные ценности и традиции, когда-то изобретенные, вновь воспроизводятся новыми поколениями через кипящий котел страстей мучительного свершения, соответствия со складывающимися условиями исторической практики свершения-преодоления народом-умельцем и мудрецом детерминированности его от встрясок экологических, культурологических

**ЖИВЫХ КАМЕНЬЕВ ДРАГОЦЕННЫЙ ДАР ИЛИ СОТВОРЕНИЕ АРХИТЕКТУРОЙ ДУШИ.
КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ КРЫМА. ТРАДИЦИОННОЕ ГОРНОЕ ЖИЛИЩЕ**

общеземных проблем. Подобно тому, как в симфоническом оркестре каждый инструмент имеет свой тембр, так и каждый народ одарен особым талантом видеть мир и сотворять вещи, таким образом, который не свойственен народу-соседу. Первоначальный импульс, полученный зодчими от традиционного или фольклорного языка архитектурных соотношений, пропорций, выверенных временем, народное умение выстроить, наладить в соответствии со своим материальным образом Вселенной (Космос) и Духом (Логос) показывают совершенно изумительные примеры гармоничных жилищных ансамблей. Постепенно они вынужденно исчезают с лика земли под натиском безудержной психологической атаки стройных рядов всего типового, унифицированного, машинизированного для всех частей света, как саранча (не знающая жалости), выедающая ростки прежних культур материальной летописи, которые всегда неожиданно свежи и актуальны в своих подходах, проявлениях, алгоритмах, всегда органичны в родных ландшафтах, заряжены национальным складом бытия и мышления, а потому всегда духовны.

Строя новый дом для вновь созданной семьи, народный мастер воспроизводил основы жизни, вкладывая в такое ответственное дело все свои знания и представления рода о том, какой должна быть душа семьи, что определяет ее стабильность, покой и мир: «...в ядре своем каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняются особенный климат, времена года, пейзаж, пища, этнический тип, язык и проч., ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления. Соответственно и о Единой материальной Вселенной (Космос) или Духа (Логос) у каждого народа складывается свой образ. Инвариант бытия видится каждым в своем варианте, в особой проекции, как единое небо сквозь атмосферу, определяемую разнообразием поверхности Земли... Национальные образы мира есть диктант национальной Природы в Культуре» [4,с.23-24].

Представления о пространстве как ландшафте, завораживающем дух своей красотой, где ближние и дальние планы образуют палитру тончайших нюансов переливов голубого, синего, бирюзового, темно- и светло-зеленого, скорее всего, входят в сознание человека, живущего в горной местности и строящего свое жилище сообразно этому окружению, в соподчинении ему. К тому же горы – это всегда динамичные проявления роста земли с вытекающими отсюда и водными артериями, и земными колебаниями, и крутыми скальными склонами, и неустойчивыми оползневыми участками. Существует много факторов, усложняющих и проживание, и строительство в условиях сильно пересеченной местности. Тем интереснее и привлекательнее постигать основные принципы и приемы, складывавшиеся на протяжении тысяч лет проживания людей в горах Малой Азии, Кавказа, Балкан и Крыма. Это был опыт мужества целеустремленности сильных духом людей, привыкших к сложным испытаниям горных ландшафтов.

Источники и литература:

1. Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму : оттиск / У. Боданинский // Реконструкция народн. Хозяйства в Крыму : сб. – Симферополь : Гос. Дворец-музей татарской культуры в Бахчисарае, 1930. – Вып. II. – 31 .
2. Валиева Н. А. Традиционное жилище горного Крыма. История изучения. История формирования основных типов. Современное состояние. Перспективы развития / Н. А. Валиева // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 9. – С. 138-147.
3. Волошин М. А. Культура, искусство, памятники Крыма / М. А. Волошин. // Коктебельские берега : поэзия, рисунки, акварели, статьи / сост., авт. вступ. ст. и коммент. З. Д. Давыдов. – Симферополь : Таврия, 1990. – С. 212-219.
4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо–Психо–Логос / Г. Д. Гачев. – М. : Наука, 1995. – 480 с.
5. Гольдштейн А. Ф. Башни в горах / А. Ф. Гольдштейн. – М. : Советский художник, 1977. – 332 с.
6. Дубровский М. И. Жилище крымских татар / М. И. Дубровский. – Симферополь : 2 изд. Симферопольской типографии Усовой, 1914. – 23 с.
7. Курбатов Ю. И. Архитектурные формы и природный ландшафт / Ю. И. Курбатов. – Л. : Л. Унив., 1988. – 136 с.
8. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова / Б. А. Куфтин. – М., 1925. – 68 с.
9. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Дж. Мелларт; пер. с англ. и коммент. Е. В. Антоновой; предисл. Н. Я. Мерперта. – М. : Наука, 1982. – 158 с.
10. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры : сб. статей. – СПб. : Искусство – СПб., 2002. – С. 208-220.
11. ГААРК. – Ф. Р-1681. – Оп. 1. – Д. 5. – Социалистическая реконструкция южного берега Крыма. Материалы районной планировки ЮБК : архитектура, обследование, решения / Авт. кол. ГИПРОГОРА г. Москвы; под ред. проф. М. Гинзбурга. – Симферополь: Гос.изд. Крым АССР, 1933. – 264 с.
12. Райт Ф. Л. Будущее архитектуры / Ф. Л. Райт; пер. А. Ф. Гольдштейна. – М. : Стройиздат, 1960. – 246 с.
13. Раппопорт Т. Б. Крымский татарский жилой дом / Т. Б. Раппопорт // Слава труду : бахчисарайская районная газета. – 2005. – №№ 74, 75, 76, 77, 80.
14. Рухлов Н. В. Обзор речных долин горной части Крыма / Н. В. Рухлов. – Петроград : Типография В. С. Гиршбаума, 1915. – 492 с.